

Вырезка из газеты

ДНЕПРОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Днепропетровск

29 АПР 1978

«Я НАШЕЛ СВОЙ ТЕАТР»

Его сценическая судьба сложилась удачно. Окончил актерский факультет театрального института. Работал. Сначала в драматическом театре, потом в музыкальном. Но в драме хотелось играть оперетту, а в оперетте — драму. Криворожская сцена избавила от раздвоенности. Здесь ставили трагедии, оперетты, мюзиклы. Свыше шести лет Арнольд Ранцанц — в музыкально-драматическом театре Кривбасса имени Т. Г. Шевченко. У него обширный музыкальный репертуар, интересные роли в драматических спектаклях. Он работает в полную силу. Работает над материалом, который нравится, который хочется играть. И это главная причина, которая позволяет актеру сказать: «Я нашел свой театр в Кривбассе».

Почешти Нос в оперетте Д. Модуньо «Черный дракон» — одна из первых ролей Ранцанца на криворожской сцене. Ковбойская шляпа, потеряя куртка, нашейный платок. Обычная внешность сценического разбойника, дополняемая походкой хищного животного — неслышной и настороженной. Неожиданным был характер героя, в котором уживалось простодушие и подзорительность, тугодумие и бешеный темперамент. Обойма плохо совместимых качеств рождала бесконечные комиче-

ские нюансы и вызывала доброе расположение к Почешти Носу. Уже в этой роли чувствовалось, что актер свободно владеет пластическими и музыкальными средствами выражения, очень органично выполняет требования и законы жанра.

В первые годы работы Арнольд Ранцанц сыграл Фому в оперетте И. Дунаевского «Вольный ветер», Рамона в оперетте Ю. Милютина «Поцелуй Чаниты», Скомороха в «Сказке о Скоморохе и царе Горохе» М. Корабельника и другие. За роль Дивана в трагедии М. Карима «В ночь лунного затмения» он был награжден премией на республиканском смотре драматургии братских республик. Это был один из самых интересных образов в спектакле, художественно многозначный, психологически сложный.

...Юродивый юноша в рваной холщевой одежде. Тоскливые горганные вскрики, набор фраз, от которых становилось не по себе. Детская беззащитность и старческая мудрость. Дивана Ранцанца не подходил под категорию сумасшедшего. Он не вызывал жалости или ужаса. Он завораживал. В нем жило первозданное чувство справедливости и обостренная восприимчивость явлений природы и человеческих отношений. Когда люди, руководствуясь не сердцем, а законами рода, изгоняли из стойбища

двух влюбленных, вслед за ними уходил и Дивана. В столкновении между любовью и традициями рода он выбирал сторону любви...

Вскоре актер был призван в ряды Советской Армии. А возвратившись, стал одним из ведущих среди артистической молодежи театра. Творческой удачей для Ранцанца явилось исполнение роли Коррадо в пьесе Эдуардо де Филиппо «Моя семья».

В последние годы музыкальные спектакли занимают явный перевес в репертуаре артиста. Ах, уж эти, всем знакомые, оперетточные простачки, обезоруживающие своей глупостью и наивностью, милым простодушием и неугомонным весельем, Зупан в «Марице», Бони в «Королеве чардаша», Герман в оперетте «Роз-Мари» и многие другие. При всем внешнем отличии они напоминали друг друга. И актер, играющий их, подвержен искусу повториться. Не минула эта участь и Арнольда Ранцанца. И если зрительный зал на спектаклях продолжал выражать свою симпатию, то причиной тому обаяние, искренность и сценическая интуиция актера.

Но были в музыкальном репертуаре и другие роли: бесшабашный Генка Бессмертный в оперетте «Севастопольский вальс», источающий ненависть белогвардеец Желтицкий в му-

зыкальной комедии «Третья весна», неугомонный Бабс Баберлей в мюзикле «Донна Люция», бравый вояка Ротмистр в «Дамах и гусарах». Эти роли отличаются выразительностью, психологической конкретностью, содержательностью. В них чувствуется зрелое мастерство актера музыкального театра.

Работа в разных по жанру спектаклях обогащала сценический опыт, способствовала поискам своей темы в искусстве, формированию актерской индивидуальности.

Большой радостью для артиста стал образ Кочкарева в спектакле «Женитьба». Легкодумный яркий фронт, мучимый бездельем, обладал незаурядным потенциалом энергии, которую вдохновенно нацелил на женитьбу Подколесина. Кочкарев Ранцанца прост и ясен. У него нет тайных намерений, дурных мыслей, недобрых чувств. Он вообще мог бы сойти за милейшего человека, не будь так безнадежно пуст.

Эдакая нарядная обертка, лишенная содержания. В Кочкареве, как и в ролях музыкальных спектаклей, Ранцанц избегает сатирических красок, он не высмеивает героя, а удивляется ему. Бывают же на земле подобные созданы! А правдомочны ли они — решать зрительному залу.

Большинству героев, созданных актером на сцене криворожского театра, свойственна доброта, искренность в проявлении чувств, интуитивное чувство справедливости. Этими качествами одарен и один из последних героев Арнольда Ранцанца — Гусятников в спектакле «Поздняя смена» (поставленного на основе пьесы А. Арбузова «В этом миллом старом доме»). Гусятников Ранцанца относится к категории людей, которых зачастую называют чудаками за то, что они видят мир глазами поэтов и превращают будни в праздник добра, любви и нежности.

Искусство таких актеров, как Арнольд Ранцанц, становится неотъемлемой частью духовной жизни криворожан, помогает им открывать и познавать сложный и прекрасный мир театра.

Л. КОСТЕНКО,
театровед.